

[я знаю], с давних пор [среди вас] в Совете есть опытные старейшины, и истину по этому делу можно найти у них. Кроме того, люди вряд ли с легкостью могут судить самих себя, [когда у них у самих есть пристрастия]. И даже врачи не могут лечить своих собственных жен и детей, потому что они рассуждают, что никакое лечение не нужно в случае большой любви, которую они испытывают к ним. Но чужие врачи могут лечить жен и детей этих врачей, и чужие судьи могут судить иски других, потому что в них нет злобы и жалости, и они не рассматривают дело [с пристрастием], а как оно было на самом деле. Поэтому, сеньоры, я позвал вас сюда и изложил перед вами свое дело, чтобы вы рассудили его, [потому что всеблагой Бог озарил вас светом.]”

254. Они ответили королю, сказав ему: “Сир, мы выслушали твой иск, твою просьбу и твою жалобу. Мы надеемся на милость Бога, [122] и он научит нас, как поступить во благо Ему, а также твоему величеству. Однако, если ты позволишь, оставь нас ненадолго, чтобы мы посоветовались друг с другом, чтобы нам поступить наилучшим образом и как угодно Богу, [ибо Бог и милость Святого Духа озаряют нас], и тогда мы скажем тебе, что делать”. Когда король услышал это, он сразу же ушел.

255. И [все сеньоры] и рыцари вместе усердно трудились. Одни говорили, что нужно убить графа, другие говорили: “Если мы убьем его, об этом деле станет известно, и для нас это будет великим бесчестьем”. Третьи говорили: “Вы говорите правильно. Есть три пути, по которым мы может пойти, чтобы избежать гнева, вражды и скандала. Однако когда мы говорим, что нужно убить королеву, нам следует помнить, что она происходит из великого среди каталонцев рода, а они люди безжалостные. Они скажут, что мы сделали это из-за ненависти, возьмут в руки оружие, придут сюда и полностью уничтожат и нас и наше имущество. Также когда мы говорим, что нужно убить графа, то весть об этом распространится. Кто-то поверит, а кто-то нет. Потом все поверят в эту историю и будут говорить, почему мы убили графа. Весть об этом распространится по всему миру. Наш король есть наше собственное тело; он — орел, а мы — его крылья. Как птица ничего не стоит без крыльев, так и один король ничего не стоит без нас, однако же мы что-то можем без него. Так вот, нас обвинят, а эта история пустит корни. Нам кажется, что будет лучше скрыть эту историю. Действительно, король показал нам письмо, которое сир Жан Висконти послал ему во Францию. Давайте скажем, что он лжет, лишим его свободы лигия [королевства] и оставим на милость короля как человека, который оклеветал королеву, разозлившись на ее величество из-за какой-то прежней ссоры, когда она поскандалила с ним. Если он спасется — слава тебе, Господи! — если нет, пусть уходит по-хорошему. Но меньшим злом будет смерть одного рыцаря, чем нас сочтут клятвопреступниками. [Это